

Д.В. Щедровицкий

Сияющий КОРАН

Взгляд
библеиста

Д. В. Щедровицкий

Сияющий Коран

Взгляд библеиста

5-е издание (электронное)

Москва
• Теревинф •
2018

УДК 28-24
ББК 86.38-2
Щ36

Щедровицкий, Д. В.

Щ36 Сияющий Коран. Взгляд библеиста [Электронный ресурс] / Д. В. Щедровицкий. — 5-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл epub). — М. : Теревинф, 2018. — Систем. требования: Adobe Digital Editions 4.5 (Windows, Android, macOS) или iBooks (4.3 для iOS либо 1.7 для macOS).

ISBN 978-5-4212-0394-0

«Он милосерд: он Магомету / Открыл сияющий Коран, / Да притечем и мы ко свету, / И да падет с очей туман» – эти пушкинские строки послужили отправной точкой для комментария к Корану, написанного известным теологом-библеистом, автором многотомного «Введения в Ветхий Завет» и большого числа публикаций по истории и учению иудаизма, христианства и ислама. В книге сопоставляется учение Корана с откровениями библейских пророков, раскрываются те аспекты мусульманской традиции, которые мало освещаются или игнорируются другими исследователями.

Для студентов, аспирантов и преподавателей гуманитарных и педагогических вузов, духовных учебных заведений, а также для широкого круга читателей.

УДК 28-24
ББК 86.38-2

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Сияющий Коран. Взгляд библеиста / Д. В. Щедровицкий. — 2-е изд. — М. : Оклик, 2010. — 311 с. — ISBN 978-5-91349-013-1.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-4212-0394-0

© Д. В. Щедровицкий,
2005

© Оформление,
«Теревинф», 2015

Предисловие

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И да падет с очей туман.

А. С. Пушкин
«Подражания Корану»

Влекомый высшим поэтическим вдохновением, Пушкин в своих «Подражаниях Корану» (1824 г.) наиболее кратко и точно выразил суть этой священной книги: Коран есть свидетельство Божьего милосердия, поскольку указывает путь вечной жизни; он свыше ниспослан («открыт») через пророка Мухаммада; он — «сияющий», поскольку озаряет дорогу каждой душе и несет в себе свет, позволяющий увидеть смысл земного бытия и освободиться от «тумана» заблуждений и разочарований.

Об этой книге, уже более 1300 лет формирующей духовные устремления многих народов, мы и поведем речь в нашем исследовании. Его цель — не только рассмотреть, как отражаются в учении Корана вечные темы общечеловеческих размышлений (о Создателе мира, бессмертии души, предназначении человека), но и, сопоставив откровения Корана и библейских пророков, показать единство Божьего промысла, направляющего религиозное развитие «сынов Адамовых».

Надеемся, что настоящий комментарий поможет вдумчивым читателям познать те стороны учения Корана, которые обычно мало освещаются или вовсе игнорируются другими исследователями. И если наш скромный труд поспособствует не только прояснению некоторых из этих (в наше время особенно

насущных) вопросов, но и умножению взаимного расположения, сотрудничества, братских симпатий между верующими различных религий и конфессий, представителями разных ветвей авраамической традиции, — мы будем считать свою цель достигнутой.

Теперь необходимо рассказать о принятом в этой книге порядке цитирования Корана. На сегодня существует целый ряд его русских переводов (основные из них указаны в помещенном в конце книги списке), каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки. Вообще, в мусульманской традиции обычно говорят даже не о переводах самого Корана, а о «переводах смыслов», имея в виду, что каждый аят (стих) арабского оригинала имеет множество смыслов, лишь некоторые из которых можно передать в конкретном переводе. Разделяя эту позицию, мы старались подобрать для каждой цитаты перевод, наиболее точно и выразительно передающий тот оттенок смысла, который особенно важен в контексте ведущегося обсуждения. Чтобы избежать смешения поэтических и прозаических переводов, решено было ограничиться лишь последними. Кроме того, учитывалась и их сравнительная распространенность.

По указанным причинам для работы над книгой были отобраны следующие переводы: Г. С. Саблукова, И. Ю. Крачковского, М. — Н. О. Османова, Э. Р. Кулиева, Б. Я. Шидфар. При цитировании Корана автор перевода указывается одной-двумя начальными буквами фамилии в квадратных скобках. Однако в некоторых (весьма редких) случаях нам не удалось подобрать готовый перевод, и тогда цитаты даются в авторском переводе с арабского оригинала — они помечены буквой «Щ».

Читателю следует также учесть, что существуют две системы нумерации аятов внутри каждой суры (главы) Корана. Первая система была принята в издании Г. Флюгеля (1858 г.) и в настоящее время считается устаревшей. Однако именно она использовалась в переводе Г. С. Саблукова. Вторая система,

восходящая к официальному каирскому изданию (1928 г.), применяется во всех современных переводах (в изданиях перевода И. Ю. Крачковского имеются обе нумерации). В данной книге все ссылки на Коран даются в соответствии со второй системой, однако в тех случаях, когда номер аята в переводе Г. С. Саблукова не совпадает с номером в современной нумерации, после наклонной черты приводится номер аята согласно первой системе.

Кроме того, поскольку стилистика и правописание перевода Г. С. Саблукова, выполненного в 1878 году, отчасти устарели, мы позволили себе при цитировании незначительное «осовременивание» цитат из этого перевода. Дополнительно, для установления лексического единообразия, слово «Бог» заменялось, как правило, словом «Аллах».

Библия всюду цитируется по Синодальному изданию с использованием общепонятных сокращений в отсылках на отдельные библейские книги. В некоторых случаях автор внес в перевод библейских стихов небольшие поправки.

В цитатах как из Корана, так и из Библии выделенные курсивом слова не имеют прямого соответствия в оригинале и вставлены переводчиками для связности текста. В квадратных скобках приводятся пояснения; в частности, имена известных лиц, сохраненные переводчиками в арабском произношении, дополнены их традиционным русским написанием (так же оформил свой перевод Э. Р. Кулиев).

В завершение автор выражает глубокую благодарность всем лицам, оказавшим помощь при подготовке настоящей книги к изданию, и в особенности — Р. П. Дименштейну, И. В. Лариковой, Л. С. Ларикову, М. Н. Овчинниковой, П. Н. Цыплакову, А. Г. Яковлеву и Ю. Г. Яниковой. Особая признательность — главному редактору Научно-издательского центра «Ладомир» Ю. А. Михайлову, вдохновившему автора на написание этой книги.

Введение

Великая будущность была уготована Аравийскому полуострову издревле: еще во времена патриарха Авраама Всевышний обещал, что от сына этого патриарха, Измаила, произойдет «великий народ» (Быт. 17, 20). Когда Авраам молился Создателю, опасаясь за жизнь Измаила, своего первенца от Агари, он выразил свою мольбу о его благополучии в таких словах:

О, хотя бы Измаил был жив пред лицом Твоим! (*Быт. 17, 18*)

Конечно, в этой молитве слышится опасение не только за физическую жизнь сына-наследника. В Торе, как и в Коране, понятие «жизнь» воспринимается гораздо шире — как полноценное духовное бытие, основанное на твердой вере в Создателя мира, покорности Ему, пребывании в постоянном внутреннем диалоге с Ним. И в ответ на молитву патриарха Бог дал такое обетование:

...Об Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ. (*Быт. 17, 20*)

Вдумаемся в сказанное в Торе об Измаиле и его потомках. Авраам просил для сына своего жизни «с избытком» — и духовного восхождения, и физического процветания. И Всевышний, ответив ему: «...об Измаиле Я услышал тебя...», тем самым подтвердил, что просьба патриарха будет исполнена во всех своих значениях и смыслах. Мало того, Бог так свидетельствует о будущем Измаила:

...Вот, Я благословлю его... (*Быт. 17, 20*)

Благословение свыше — самое важное для жизни человека, а здесь говорится, что оно будет сопровождать Измаила всегда и повсюду. Именно с благословения начинается в приведенном стихе Торы перечисление предназначенных Измаилу благ. А ведь благословение сопровождает только верующих, благочестивых. Именно такими, согласно приведенному пророчеству, будут и сам Измаил, и его потомки — жители Аравии, составившие впоследствии арабский народ.

Затем обетование продолжается:

...И возвращу его, и весьма, весьма размножу... (*Быт. 17, 20*)

Если первая часть пророчества говорит о духовном преуспейании потомства Измаила — арабского народа, о его особом благочестии в будущие времена, т. е. о грядущем появлении в его среде религии ислама, то вторая часть предсказывает не только значительное возрастание численности самих арабов, но и широкое распространение возникшего в их среде мусульманства, исторически ставшего третьей мировой религией единобожия — наряду с иудейством и христианством.

«Весьма, весьма» размножится потомство Измаила — как физическое, так и духовное, т. е. те, кто в будущем станут приверженцами ислама. Как это свойственно пророческой речи, библейской и коранической, удвоение слова призвано указать на постоянство действия; в данном случае выражение «весьма, весьма» предвещает непрестанное умножение последователей ислама, что и происходит со времени основания этой религии вплоть до наших дней.

Что же касается «двенадцати князей», происшедших от Измаила и ставших прародителями двенадцати крупных аравийских племен (их имена перечислены в Быт. 25, 13–16), то их число служит символическим указанием на всю совокупность народов, которые в свое время примут ислам и этим актом сольются в единую мусульманскую цивилизацию, составив

«у́мму» — единую общину, мусульманский «сверхнарод» (ср. с двенадцатью коленами Израилевыми, образующими религиозно-культурное единство, несмотря на самостоятельность каждого колена в древности. Подобно этому и представители любой из наций, исповедующих ислам, именуют себя одновременно и собственным этнонимом — «арабы», «иранцы», «татары» и т. д., и общим термином «мусульмане». «Двенадцать» — сакрально значимое число на Древнем Востоке, означающее единство во множестве).

Наконец, пророчество Торы завершается таким обещанием Бога:

...И Я произведу от него великий народ. (*Быт. 17, 20*)

В контексте священной книги слово «великий» следует понимать как указание не только на численность, но и на величие духовное. Мусульманская цивилизация, как известно, внесла огромный вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры. Этот вклад ощутим во всех областях мышления и деятельности: в теологии и философии, науке и искусстве, политике и правоведении...

Итак, Аравии, стране, где поселился Измаил со своей матерью Агарью и где от него произошел арабский народ, суждено было сыграть одну из ведущих ролей на сцене всемирной истории.

Хотя некоторые отрасли потомства Измаила (например, поселившиеся на юге Палестины набатеи — сыны Наваиофа, одного из упомянутых выше двенадцати князей; см. Быт. 25, 13) достаточно рано созрели в политическом и культурном отношении, тем не менее большинство племен Аравии многие столетия ждали своего часа — исполнения пророчества, изреченного Богом еще в эпоху Авраама.

Этот час настал с рождением великого пророка Мухаммада (570–632 гг. н. э.). В то время Аравия, находясь в стороне от магистрального развития всемирной истории, представляла

собой огромную территорию, населенную разрозненными арабскими племенами, большинство из которых, давно отступив от единобожия своих праотцев Авраама и Измаила, пребывало в язычестве. Арабы поклонялись многим богам и совершали служение их идолам даже в центральном своем храме — общеарабском святилище в городе Мекке, которое, по преданию, некогда было основано самим Авраамом для поклонения единому Богу.

Тем не менее память об Аврааме и Измаиле сохранялась в среде арабских племен, как и само имя истинного Бога — Аллаха (ср. Элоáh, или Элохíм — одно из главных имен Бога в Торе и последующих библейских книгах). Однако в эпоху арабского язычества (именуемого «аль-джахíлийа» — «незнание») Он почитался только как верховный, наиболее могущественный бог, отец и властитель многих других божеств.

Однако в немалом числе арабы, по наследству сохранив воспоминания о временах Авраама, как бы инстинктивно тянулись к истине и потому искали веру более чистую и возвышенную. Очевидно, в связи с этим иудейство и христианство, достаточно распространенные в то время в Аравии, исповедовали не только переселенцы из других стран Передней Азии, но и целые арабские кланы и племена. Велись и своеобразные искания Бога вне этих традиционных религий; стремящихся к чистому внеконфессиональному монотеизму именовали ханифами.

Мы не станем излагать биографию пророка Мухаммада: к настоящему времени на русском языке достаточно источников и исследований на эту тему. Подчеркнем только, что Мухаммад выступил со своей великой миссией — возвещением единобожия и призывом к возвращению в лоно чистой веры праотца Авраама — в эпоху духовного разброда в его родной Аравии, преобладания в ней язычества, а также разногласий между различными направлениями иудейства и христианства. Это было время

непрестанных кровопролитных войн между отдельными арабскими племенами и их временными коалициями, время господства антигуманных, жестоких обычаев в среде арабов (например, рождавшуюся в семье девочку нередко живьем зарывали в землю, чтобы впоследствии не нужно было давать за ней приданое; существовал обычай кровной мести, стоивший жизни огромному числу жителей, и т. п.).

В то же время следует отметить, что в среде жителей Аравии сохранялись древние традиции щедрого гостеприимства, верности своему слову, благородства по отношению к слабым и беззащитным, восходившие еще к временам Авраама и Измаила.

В таких противоречивых обстоятельствах жизни арабов, среди царившей меж ними вражды и смуты, началась проповедь Мухаммада, призванного свыше Самим Богом для того, чтобы дать человечеству новый великий духовный импульс в виде религии чистого Богопочитания и покорности воле Создателя («ислам» означает по-арабски «примирение»: имеется в виду установление мира между Богом и человеком, Ему покоряющимся, а также между людьми, составляющими единый, в религиозном смысле, народ, или общину, — «*умму*»).

К концу же жизни и проповеди пророка Мухаммада огромное большинство жителей Аравии приняло провозглашаемую им весть, уверовав в Аллаха как единого Бога и приняв Коран — новое священное писание, излагавшееся пророком вначале устно и записанное его преемниками лишь впоследствии.

После окончания земной жизни пророка началось победное шествие ислама по земле: в короткий срок к мусульманскому государству, Халифату, были присоединены огромные территории в Азии, Африке и отчасти в Европе. Распространение ислама, а также расширение его влияния на иные вероучения и культуры, плодотворное взаимодействие его идей с мировоззрениями, сложившимися ранее, продолжались с тех пор век за веком — от эпохи самого пророка Мухаммада до

настоящего времени. Именно во времена Мухаммада исполнилось упомянутое пророчество Торы: потомки Измаила стали подлинно «великим народом» (Быт. 17, 20).

Текст Корана ниспосылался свыше пророку Мухаммаду частями — в течение многих лет. Его суры (главы) делятся на более ранние — мекканские (исполненные поэтического пафоса, основанные на яркой, неповторимой пророческой образности) и более поздние — мединские (изложенные в более «спокойном», «рассудочном», тоне и содержащие больше законодательных предписаний).

Ниспосылание Корана происходило в определенное время и в определенном месте, но это живое слово Бога было адресовано не только конкретным людям — поколению современников пророка, но также и всему человечеству.

Уже первая сура, «Открывающая книгу» («Аль-Фатиха»), упоминает тех представителей традиционных религий, которым мусульмане уподобляться не должны: это «находящиеся под гневом» и «заблудшие» ([Кр] 1, 7). Очевидно, что те, на кого Бог гневается, знают истину, но не следуют ей; а «заблудшие» — это те, в чье религиозное учение вкрались серьезные искажения. Однако, в противоположность двум указанным разновидностям отступников от истины, Коран упоминает и «благочестивых» — тех носителей традиционных религий единобожия (т. е. иудеев и христиан), которые остались верны изначальным заветам своих учителей — Моисея и Иисуса. Именно «благочестивым», «державшим прямо Тору и Евангелие» ([Кр] 5, 66), «стремящимся опережать друг друга в добрых делах» ([Ку] 2, 148), и было предназначено принять благовестие Корана в первую очередь. Об этом свидетельствует уже само «преддверие» книги — начало второй суры:

|| Эта книга — нет сомнения в том — руководство для богобоязненных... ([Кр] 2, 2)

Таким образом, Коран предназначен стать ясным указанием, «путеводителем духовным», прежде всего для тех, кто уже богобоязнен к тому моменту, когда впервые слышит или читает его суры. А такими богобоязненными могли быть во времена пророка Мухаммада чистосердечные, искренние верующие из среды иудеев, христиан или ханифов, руководствовавшиеся существовавшими библейскими писаниями в поисках собственного пути к Богу.

Предложенный благочестивым людям как новое откровение Бога, Коран говорит образным языком, хорошо знакомым богобоязненным иудеям, христианам и другим последователям единобожия. Он во всех смыслах продолжает библейскую традицию, и поэтому существует возможность ее привлечения как для раскрытия коранических образов, так и для правильного истолкования самого учения Корана; более того, именно она создает тот контекст, в котором лишь и возможно настоящее понимание священной книги ислама.

Пророк и пророчество

Мухаммад — «печать пророков»

К числу основных положений ислама относится утверждение, что пророк Мухаммад — «печать пророков» (33, 40). Арабское «кхата́м», «печать», имеет (как и древнееврейское «хотáм» в Библии) два значения: «удостоверение», т. е. печать, подтверждающая истинность текста, — и «завершение», «закрытие» (например, существовал обычай запечатывать кувшины с елеем, чтобы их не вскрывали до назначенного срока).

Какое же из этих значений подразумевается в словосочетании «печать пророков»? Для ответа на этот вопрос воспользуемся сходными библейскими образами. Так, в Книге Даниила говорится:

«...Семьдесят седмин определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы... запечатаны были грехи... и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк...» (Дан. 9, 24)

Данное предсказание традиционно относится христианами к пришествию Иисуса, благодаря голгофской жертве которого были «запечатаны», т. е. прощены, грехи уверовавших в него. В то же время сама миссия Иисуса есть «печать», т. е. удостоверение и исполнение древних предсказаний, содержащихся в Торе и книгах последующих пророков.

Один и тот же древнееврейский глагол «хата́м» («запечатывать») употреблен Даниилом в двух грамматических формах, указывающих на два различных действия: во-первых, будут «запечатаны грехи»; во-вторых, «запечатаны... видение и пророк» (в Синодальном переводе обе формы переданы одинаково). Но для нас, в связи с употреблением подобного же

выражения в Коране, важен смысл, связанный со вторым действием: «запечатаны были видение и пророк». Согласно новозаветным источникам, после явления Иисуса пророчество как таковое не прекратилось: достаточно вспомнить о личных и коллективных видениях в пророчествах учеников Иисуса (видение апостола Петра об очищении сердец язычников — Деян. 10, 9–19; предсказания пророка Агава о ближайших событиях — Деян. 11, 28; 21, 10–11).

Кроме того, пророчество, как один из даров Святого Духа, является, согласно обещанию самого Иисуса, постоянным признаком его истинных последователей (Иоан. 16, 13). Поэтому в раннехристианских общинах существовали местные пророки и пророчицы; а также были известны пророки странствующие, переходившие из города в город (I Кор. 12, 10; 14, 1–5; Деян. 21, 9). Наконец, одна из знаменитейших пророческих книг, Откровение Иоанна, была создана спустя несколько десятилетий после вознесения Иисуса.

В связи со сказанным, выражение Даниила «запечатаны были видение и пророк» никак нельзя понимать в смысле завершения и прекращения самого дара пророчества как возможности созерцать сокрытое и предвидеть грядущее. Слова Даниила о «запечатывании видения и пророка», согласно христианской интерпретации, могут означать только подтверждение жизнью и смертью Иисуса древних пророчеств о Мессии.

Такова христианская точка зрения. Каково же иудейское понимание слов Даниила? Согласно авторитетному комментарию «Мецудат Давид» («Крепость Давида»), «запечатать видение и пророка» означает «завершить слова видения пророка, т. е. осуществить свидетельства и благовестия, о коих пророчествовали все пророки». Как видим, иудейское толкование совпадает с христианским и ничего не говорит о прекращении пророчеств.

Тот же образ запечатанных пророческих слов встречается и у пророка Исаии:

«...Завяжи свидетельство и запечатай откровение...» (Ис. 8, 16)

Он же уподобляет пророчество, непонятное для непосвященных, «словам в запечатанной книге» (Ис. 29, 11), что, в свою очередь, напоминает о поступке пророка Иеремии, который «запечатал» свиток с текстом купчей записи на приобретенное им поле (Иер. 32, 9–10). Во всех приведенных случаях предполагается, что текст запечатывается лишь на время, а впоследствии будет распечатан и прочтен. В конце Книги Даниила об этом говорится прямо:

«...А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение». (Дан. 12, 4)

Здесь ясно предсказано, что книга будет распечатана в «последнее время» и изучена многими. В то же время в Откровении Иоанна (которое имеет много общего с Книгой Даниила и продолжает ее темы в новозаветном контексте) описывается сам процесс подобного распечатывания книги:

...Вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее.

<...>

И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей...

(Откр. 5, 5 — 6, 1)

В свете сказанного проясняется и подлинный смысл интересующего нас коранического образа («...Мухаммад — ... только посланник Аллаха и печать пророков...» — [О] 33, 40): пророчества Корана призваны подтвердить и осуществить предречения пророков библейских.

Цель и смысл пророчества

Итак, одна из целей миссии пророка Мухаммада — подтверждение истинности всех прежних пророков и осуществление целого ряда их пророчеств. При этом ни в коем случае не подразумевается ни отмена конкретных пророчеств, ни прекращение пророчества как такового. В данной связи обратим внимание на интересный факт: именно в Коране, как ни в одной другой священной книге, необычайно часто, и притом по многу раз, пересказываются истории о прежних пророках и приводятся их речения. Нередко это делается для сравнения условий, в которых выступали прежние вестники Божьи, с обстоятельствами, сопровождавшими проповедь Мухаммада. Неоднократно подчеркивается, что неприятие учения Мухаммада большинством соплеменников, гонения на самого пророка и его сподвижников, попытки высмеять его слова и даже покушения на его жизнь, — всё это подобно происходившему в прежние времена с другими пророками, которые становились страдальцами и мучениками за вверенное им слово Божье.

И на Последнем суде сам Мухаммад станет обличать перед Богом своих противников, а пророкам других народов будет позволено выступить свидетелями — каждому против собственных гонителей:

|| ...Мы приведем по свидетелю от каждой общины, а тебя приведем свидетелем против этих... ([Ку] 4, 41)

Мухаммад постоянно осознает свою неразрывную связь с прежними посланниками, а дарованное ему свыше откровение рассматривает не иначе как очередное звено всемирной пророческой цепи, как продолжение свидетельств всех

предыдущих вестников. В Коране подчеркивается общность учений и целей всех истинных пророков, а сам он призван способствовать решению их главной задачи — возвращению всего человечества к Богу:

|| Ниспослал Он тебе Писание в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до него. И ниспослал Он Тору и Евангелие
|| Раньше в руководство для людей, и ниспослал различие. ([Кр] 3, 3–4)

При этом сам способ, которым передается откровение, остается тем же при общении Бога с каждым последующим пророком, и в этом смысле Мухаммад является не только духовным наследником прежних благовестников, но и как бы их сотоварищем пред лицом Творца:

|| Воистину, Мы внушили тебе откровение, подобно тому, как внушили его Нуху [Ною]... Ибрахиму [Аврааму], Исмаилу [Измаилу], Исхаку [Исааку], Йакубу [Иакову] и коленам [двенадцати сыновьям Иакова], Исе [Иисусу], Айубу [Иову], Йунусу [Ионе], Харуну [Аарону], Сулейману [Соломону]... ([Ку] 4, 163)

Но в чем же, согласно самому Корану, цель пророчества как такового, и почему Божье учение во всей полноте сообщается человечеству лишь постепенно, на протяжении тысячелетий, посредством длинной цепи особо избранных и одаренных посланников?

Ответ на эти вопросы дает кораническое учение о «прямом пути» человека и человечества — пути духовного восхождения, осуществления главного предназначения разумного существа, созданного Богом на земле для поддержания гармонии между горним и дольным мирами.

Направлять человека на «прямой путь» призвано откровение. С наибольшей полнотой оно было явлено в свое время в Законе Моисеевом:

|| И вот Мы даровали Мусе [Моисею] писание и различие — может быть, вы пойдете прямым путем! ([Кр] 2, 53)

Если «писание» призвано являть человеку верную картину всего бытия как реальности, сотворенной и направляемой Богом, то «различение» должно постоянно ориентировать верующих в выборе между добром и злом, разрешенным и запретным, похвальным и осуждаемым. Поэтому каждое откровение состоит из двух частей — теоретической («писание») и практической («различение»), которые вместе охватывают все уровни человеческого восприятия и действия, выводя людей на «прямой путь» служения Богу. Образное противопоставление «прямого» пути «кривому» часто встречается в Библии:

...Дабы спасти тебя от пути злого...

...От тех, которые оставляют стези прямые, чтобы ходить путями тьмы...

<...>

...Которых пути кривы и которые блуждают на стезях своих... (*Прит.* 2, 12–15)

Библейская символика «двух путей» нашла прямое продолжение в текстах Кумранской общины ессеев (II в. до н. э. — I в. н. э.):

В руке князя светил управление всеми сынами справедливости, дорогами Света будут ходить они. А в руке посланника Мрака всё управление сынами беззакония, и дорогами Мрака будут ходить они... (*Книга Устава общины*, 3, 20–21)¹

С уведомления верующего о «двух путях» начинается и древнейший внебиблейский текст раннего христианства — «Учение двенадцати апостолов» («Дидахе»):

Два есть пути, один — жизни и другой — смерти, и велико различие между этими двумя путями. (1, 1)²

Итак, постулат Корана о выведении человечества на «прямой путь» посредством пророческого откровения являет своего рода резюме всех предшествующих учений о «прямом пути» как цели человеческой жизни.

Поскольку же перед людьми открыт этот «прямой путь» постоянного восхождения и духовного совершенствования, а отклонение от него совершается только по вине самого человека,

становится необходимым время от времени, особенно в переломные моменты истории, посылать новых пророков, которые напоминают об этом пути, обновляя и укрепляя общение человека с его Творцом.

В Коране подчеркивается, что величайшим этапом непрекращающегося, поступательного откровения явилась после Моисея миссия Иисуса:

|| Мы даровали Мусе [Моисею] Писание и отправили вслед за ним череду посланников. Мы даровали Исе [Иисусу], сыну Марьям [Марии], ясные знамения и укрепили его Святым Духом... ([Ку] 2, 87)

Дух Божий — наставник пророков

Дух Святой как необходимый посредник в передаче пророчества от Бога к Его вестнику рассматривается в Ветхом Завете как персонифицированная, личностная, сила Всевышнего, руководящая пророком в периоды его экстатического духовного подъема:

Тогда народ Его вспомнил древние дни, Моисеевы: где Тот... Который вложил в сердце его Святого Духа Своего,
Который вел Моисея за правую руку величественною мышцею Своею...? (Ис. 63, 11–12)

В Новом Завете Святой Дух описывается как постоянное присутствие Бога в духовном сознании верующего, как вышний Наставник:

Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания — тем же Духом... (I Кор. 12, 8)

Коранические воззрения на сущность и свойства Святого Духа совпадают с библейскими. Так, слова приведенного аята (стиха): «...и укрепили его Святым Духом...» ([Ку] 2, 87) соответствуют учению Нового Завета:

...Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета... (Деян. 10, 38)

Неотъемлемой составляющей коранического учения является утверждение о прямом воздействии Духа Святого на сердце пророка. Поскольку же Дух Святой сообщает чистую истину, он именуется «Духом верным»:

|| И поистине, это — послание Господа миров.
|| Снизойшел с ним Дух верный

|| На твое сердце... ([Кр] 26, 192–194)

Некоторые толкователи усматривают в этом аяте указание на ангела Гавриила как посредника в передаче Корана. Однако здесь говорится именно о Духе Святом, Духе Божьем, как бы «дыхании» (арабское слово «рух» означает и «дух», и «дыхание», и «ветер») Всемогущего, непосредственно проникающем в сердце пророка и запечатлевающим на сердце слова Корана (чего ангел, будучи отдельным тварным существом, сделать не может); ср. новозаветное:

...Вы — письмо Христово... написанное... Духом Бога живого... на плотных скрижалях сердца. (II Кор. 3, 3)

Именно активное участие сердца пророка в восприятии снисходящего на него (посредством Духа Святого) откровения — необходимая составная часть успешности Божьего замысла. Как в библейском, так и в кораническом мировоззрении сердце — духовный орган не только эмоциональной, но и интеллектуальной жизни — сердцем не только чувствуют, но и «разумеют»:

|| Разве... их сердца не разумели...? Ведь слепы не глаза, а слепы сердца, что в груди.
|| ([О] 22, 46)

Вечное слово и сердце человека

В отличие от «слепых сердцами» грешников, пророку даруется сердце, необычайно восприимчивое к духовным истинам, которое не только всемерно стремится к Богу, но и глубоко обдумывает Его повеления.

В то время как ангел Гавриил непосредственно сообщал пророку Мухаммаду текст Корана, Дух Святой запечатлевал этот текст в его сердце. Поэтому о Гаврииле и говорится, что он

|| ...Низвел его [Коран] на твое [Мухаммада] сердце... в подтверждение правдивости того, что было [сказано пророками] прежде, в качестве верного руководства и благой вести для верующих. ([Ку] 2, 97)

Заметим, что в этом аяте ангел Гавриил назван «низведшим» на сердце пророка текст Корана; сам же ангел, в отличие от Духа Божьего, не «нисходил» на сердце (ср. [Кр.] 26, 192–194).

Данный аят наводит на размышления о соотношении вечного слова, посылаемого Богом, и «преображения» этого слова посредством сердца пророка, дабы впоследствии оно могло быть услышано всем человечеством. Недаром крупнейшие мусульманские богословы подчеркивают, что только и исключительно через Мухаммада Коран мог быть низведен свыше: пророк обладал единственным в своем роде сердцем, способным вместить подобное откровение и высказать его на человеческом языке.

Ибн Хишам, автор наиболее раннего жизнеописания пророка, говорит об этом так:

Когда Мухаммад, посланник Аллаха, достиг сорока лет, его послал Аллах как милость для миров и как предвестника всем людям.³

Заметим, что именно данный человек, пророк Мухаммад, оказался способен стать «милостью для миров» (ср. [Кр.] 21, 107). И Коран, как видим, конкретизирует причину посланничества именно Мухаммада: откровение было «низведено» на то сердце, которое наилучшим образом соответствовало высочайшей миссии.

В приведенном аяте (2, 97) подчеркивается двойственное предназначение коранического откровения: оно дается «в качестве верного руководства и благой вести», т. е. соединяет в себе черты двух величайших откровений и учений прошлого — Торы («верного руководства», т. е. нормативного Закона, заключающего в себе множество заповедей и предписаний), и Евангелия («благой вести», содержащей учение о спасении и вечной жизни). Подобно учению Моисея, Коран — свод религиозного законодательства; подобно учению Иисуса, Коран содержит описания грядущего райского блаженства верующих, служа «благой вестью».

Пророк Мухаммад не мыслит своей миссии в отрыве от миссий всех предыдущих пророков, рассматривая ее исключительно как прямое продолжение их деятельности.

В Коране подчеркивается также неравенство «степеней» предшествующих посланников; среди них были и те, которым было отдано «предпочтение» в отношении более полного изложения воли Бога, кто основывал новые, «подытоживающие», направления в вере, и те, кто разъяснял учение, уже возведенное другими:

|| Таковы посланники. Одним из них Мы отдали предпочтение перед другими. Среди них были такие, с которыми говорил Аллах, а некоторых из них Аллах возвысил до [высших] степеней... ([Ку] 2, 253)

Смысл сказанного, на первый взгляд, исчерпывается тем, что среди пророков есть как вестники, несущие новые откровения, запечатленные в священных книгах (Моисей, принесший Тору; Давид, составивший Псалтирь; Иисус, возвестивший Евангелие),

так и вестники, напоминающие об откровениях уже данных и призывающие к следованию им.

Однако аят имеет и иной смысл: встреча пророка с Богом может выражаться только в восприятии человеком голоса свыше (ср.: «...глас Его слушайте...» — Втор. 13, 4; «...голос Его слышишь... так бывает со всяким, рожденным от Духа» — Иоан. 3, 8); но, сверх того, такая встреча может стать преддверием к беспрестанному духовному восхождению самого пророка к достижению им высших «степеней».

Согласно иудейской традиции, указание «песнь восхождения» в начале псалмов 119–133 сообщает о том, что в этих псалмах образно описывается переход ко всё более возвышенным духовным состояниям. Подобное же восприятие коранического понятия «степеней» присутствует в мистической традиции суфизма.

Таковы различия между пророками в смысле интенсивности их внутренней жизни, степени постижения ими Божественного откровения — т. е. различия, касающиеся отношений того или иного пророка с Богом.

Что же касается самой вести, приносимой человечеству пророками, то она, по сути своей, едина во все времена, хотя и излагается каждым вестником с учетом времени (эпохи), места (национально-культурного контекста проповеди) и обстоятельств (готовности просвещаемых к восприятию проповеди и степени их покорности или же противления пророческому слову). В этом смысле между пророками нет различий, поскольку приносимые ими вести должны быть воспринимаемы с равными благоговением и послушанием как исходящие непосредственно из уст Создателя. Поэтому пророк Мухаммад и научает мусульман так выражать свое отношение к пророкам всех времен:

|| ...«Мы не делаем различий между Его посланниками»... ([Ку] 2, 285)